

ОЛЬГА КОМАРОВА

Опыт описания кулинарной фразеологии в норвежском и русском языке

Фразеологические единицы русского языка уже давно являются предметом научных исследований, как общетеоретических, связанных с вопросами выделения и описания различных категориальных свойств фразеологизмов, так и частных – описание их структуры и функционирования. Во фразеологических словарях собраны и описаны многочисленные фразеологические сочетания, в специальных исследованиях дополнена и развита классификация фразеологических сочетаний, предложенная еще академиком Виноградовым. Издаются многочисленные исследования структуры и семантики единиц, объединяемых этим названием – сборники пословиц и поговорок, крылатых слов и устойчивых сочетаний, весьма разнообразных по своей тематике. Описание фразеологических единиц русского языка строится обычно или по принципу выделения ключевого слова во фразеологизме, как во фразеологических словарях, или по определенной тематике, как в сборниках пословиц и поговорок.

Кулинарная фразеология, т.е. наименования продуктов питания и самих кулинарных изделий, а также связанных с их приготовлением действий, до сих пор не была предметом специального рассмотрения в русском языке. В данной статье рассматриваются как первичные наименования продуктов питания и изделий из них, так и вторичные, представляющие собой метафорический перенос значения, часто связанный с употреблением данного наименования в составе определенного словосочетания. Поскольку фразеологические словосочетания в значительной степени связаны с реалиями быта, фактами истории, народными обычаями, нам представляется интересным рассмотреть также и соответствующий пласт лексики норвежского языка. Данная статья представляет собой первый опыт контрастного описания структуры и семантики норвежских и русских фразеологизмов, связанных темой кулинарии.

Общее количество рассмотренных единиц только по словарям, с которыми я работала, довольно значительно – около 500 единиц.¹

В данной статье почти не затрагиваются особенности грамматической структуры исследуемых единиц (отнесенность их к различным лексико-семантическим разрядам с учетом наличия в них имен существительных, прилагательных, числительных, глаголов и пр., т.к. они подробно описаны в исследованиях по русской фразеологии, для норвежского языка наиболее конкретно структура фразеологических сочетаний описана в учебнике лексикологии В. П. Беркова.²

Семантическое разнообразие. Группа описываемых фразеологизмов неоднородна по содержанию, в ней можно было бы выделить несколько подгрупп на основе семантики ведущих компонентов, таких как **овощи** (как огурчик, en gammel agurk, Prinsessen på erten – принцесса на горошине) **фрукты** (запретный плод – forbuden frukt, bite i det sure eple, яблоко от яблони...) **пряности** (соль земли – jordens salt, всыпать перцу), **изделия** (заварить кашу, суп из топора – spikersuppe, flat som en pannekake) и др.

По наблюдениям российских ученых, наиболее частотны в русских фразеологиях – хлеб, вода, мед, соль и их вторичные номинации (не хлебом единым – ikke av brød alene). В норвежском материале обращает на себя внимание большое количество фразеологизмов со словом рыба: помимо совпадающих с русским языком выражений “ловить рыбку в мутной воде” – fiske i rørt vann, “нем как рыба” stum som en fisk, “как рыба в воде” – som fisken i vannet, есть и специфически норвежские – frisk som en fisk, т.е. здоров как рыба, en kald fisk – неодобрительно о равнодушном человеке. Однако, как отмечается в литературе, невозможно

¹ *Фразеологический словарь русского языка.* Под ред. А.И. Молоткова Изд. 3 М., Русский язык, 1978; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник.* С.-Петербург, Фолио-пресс, 1998; В.П. Берков. *Русско-норвежский словарь.* Под ред. Сири Свердруп Люнден и Терье Матиассена. М., Русский язык. 1987; *Stor norsk-russisk ordbok.* Hovedredaktør: Valerij Berkov. Oslo. Kunnskapsforlaget. 2003; *Aschehoug og Gyldendals store norske ordbok.* Red. Tor Guttu. Oslo. Kunnskapsforlaget. 1992; Snorre Evensberget og Dag Gundersen. *Bevingede ord.* Oslo. Den norske bokklubben. 1992.⁹

² Berkov, Valerij. *Norsk ordlære.* Oslo. Kunnskapsforlaget. 1997.

провести абсолютно четкую классификацию фразеологизмов именно потому, что весьма разнообразны способы переноса значений слова по разным аспектам сходства или различия описываемого предмета с другими предметами и явлениями: “Det å klassifisere språklige metaforer byr på betydelige vansker. En fullstendig, klar og ikke-kryssende klassifisering er i prinsippet knapt mulig siden det neppe lar seg gjøre å klassifisere alle kjennetegnene som alle elementer i virkeligheten kan ha.”³

Новое в названиях. В исследованиях по фразеологии отмечается возможность употребления собственных имен во фразеологических сочетаниях.⁴ Это явление можно также проиллюстрировать на примере названий продуктов и блюд в русском и норвежском языках (первичная номинация): торт/пирожное Наполеон – *napoleonskake*, хлеб Бородинский – Рижский – Московский – *TIL-brød, Roede brød*. Отметим, что в русских названиях хлеба отражены места происхождения, тогда как в норвежских – назначение (спортивная команда) или создатель товара (диетолог Роеде). Интересно употребление такого наименования как “бефстроганов”, связь с именем собственным в значительной степени ослаблена благодаря написанию, а возможно и в силу частого употребления. В норвежском языке сохраняется мотивировка данного наименования в написании фамилии, возможно, в силу восприятия названия как экзотического – *biff Stroganoff*.

В последнее время в обоих языках появились новые названия, связанные с распространением ранее неизвестных плодов, заграничных блюд и напитков и заимствованием их названий: папайя – *paraia*, манго – *mango*, пицца – *pizza*, коктейль Маргарита – *cocktail Margarita*, гамбургер – *hamburger*. Если в названиях норвежских блюд традиционно преобладали существительные нарицательные – *mors kjøttkaker, verdens beste (kake)*, то в последнее время в названиях ресторанных блюд появилась местная топо-

³ Berkov. Op. cit. s. 145

⁴ Райхштейн А.Д. *Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии*. М. 1980

нимика. Так, в меню одного из ресторанов Тромсё встречаем названия пиццы, связанные с местными горными вершинами - Lille Blåmann, Rødtind, Hollenderen. Отметим также конкретизацию наименований кулинарных изделий по именам собственным - Britts sjokolademuffins, Tante Gerds krumkaker – данное явление выполняет, на наш взгляд, рекламную роль, психологически настраивая потребителя соблазниться на домашний вкус блюда.

О расширенном употреблении кулинарных фразеологизмов.

Образность является неотделимым компонентом фразеологических сочетаний. Исследователи отмечают, что “языковая метафора базируется на способности сознания отыскивать аналогии между любыми объектами действительности”.⁵ Описываемые в данной статье фразеологические выражения могут быть непосредственно связаны с кулинарией, но зачастую они приобретают иное значение, переносное, и употребляются в сферах жизни, далеких от кулинарии. Показательно, что фразеология обоих языков демонстрирует метафорическое использование слов, обозначающих процесс приготовления и поглощения пищи, а также вкусовые ощущения. Очевидно, что именно универсальный характер этих процессов и важность их для всей жизнедеятельности человека приводит к метафорическому их использованию, поистине это метафоры, “по которым мы живем”.⁶ В значительной степени это связано со вторичной номинацией ключевых понятий. Например, в распространенном афоризме “Революция пожирает своих детей” – Revolusjonen eter sine egne barn – используется метафорическое значение глагола “есть, пожирать”. То же самое происходит и в следующих примерах – Рост цен съедает прибавку к зарплате – Økte priser spiser opp lønnstillegget. Фразеологические выражения подобного рода настолько часты, что уже не осознаются как метафоры: “кровь вскипела” – blodet koker. То же в описании эмоционального состояния: “он вскипел” – han kokte av raseri.

⁵ Скляревская Г.Н. *Метафора в системе языка*. .С.-Петербург. Филологический факультет СПб(б)У. 2004 с.61.

⁶ Lakoff, George and Johnson, Mark. *Metaphors We Live By*. Chicago. Univ.of Chicago Press. 1981.

Однако, в метафорическом употреблении этого глагола в норвежском есть и другие оттенки, более близкие к прямому значению глагола “варить” – han kokte foredraget ned til 10 minutter, букв. “уварил доклад до 10 мин.” В некоторых случаях наблюдаются расхождения в переносе значения в разных языках. Так, по-норвежски можно сказать *forfatteren har kokt sammen en merkelig historie*, тогда как по-русски лучше употребить глагол тоже кулинарный, но описывающий другое действие – писатель состряпал странную историю. Любопытно, что в обоих языках возможно пожирать глазами любимую девушку, но только в русском языке можно подобострастно “есть начальство глазами”, возможно это связано с недостаточно развитой демократичностью в России?

Универсалии? Общечеловеческий опыт сказывается и в совпадении метафорического значения других глаголов, связанных с приемом пищи: “обидные слова застряли у него в горле” вполне сопоставимы с норвежским *store ord og fett flek sitter ikke fast i halsen*. Здесь уместно вспомнить русский фразеологизм “проглотить пилюлю”, который может включать и другие существительные – обиду, оскорбление и т.п. В норвежском языке глагол “глотать” также употребляется в метафорическом смысле – *han svelget fornærmelsen*. В этом контексте можно упомянуть фразеологизмы “жажда знаний, мести, власти” – *tørst etter kunnskap, hevn, makt* и “поджаривать на медленном огне” – *steke over langsom ild*, переносное значение их очевидно, они полностью совпадают по семантике и употреблению в обоих языках.

Факты использования метафорического значения слов, определяющих психологическое восприятие окружающего мира посредством вкусовых ощущений сходным образом в разных языках, наводят на мысль об универсальном характере таких процессов метафоризации: мы говорим о “горьком вкусе поражения” *den bitre smaken av nederlag* или “сладких воспоминаниях” – *søte minner*, “кислой mine” – *sur mine*.

В соответствии с общей языковой тенденцией количественного преобладания отрицательных номинаций среди кулинарных фразеологизмов также довольно много обозначений с негативной конно-

тацией, особенно при характеристике человека.⁷ Приведем несколько иллюстраций такой отрицательной характеристики из русского языка – ни рыба, ни мясо; сухарь, из норвежского – почти совпадающее с русским *verken fugl eller fisk, et grøthode, blautfisk, bløt på ræga*.

Немного об источниках. Кулинарные фразеологические единицы, как видно из уже приведенных примеров, различаются по своей структуре, но они различаются также и по своему происхождению. Значительное количество фразеологизмов данной группы, как и фразеологизмов в целом, – библейского происхождения. Именно такие фразеологизмы полностью совпадают в разных языках, – не хлебом единым – *ikke av brød alene*, соль земли – *jordens salt*, чечевичная похлебка – *linsesuppe*, лавровый венок – *laugbærkransen* и др. Утрата связи с источником может быть очень сильной и отражаться в употребительности выражения. Взять хотя бы выражение: *Et, drikk, vær glad*, настолько утратившее в русском языке связь с библейским происхождением, что даже получило продолжение: *Ешь, пей, веселись – на хорошенькой женись*. В этой связи можно вспомнить и получивший неожиданное развитие норвежский фразеологизм *verken fisk eller fugl eller en god røket sild*, в котором привычное “ни рыба, ни мясо” дополняется специфически норвежским компонентом – копченой селедкой.

Фразеологические словосочетания в целом, и кулинарные в частности, могут быть связаны с конкретными историческими событиями или личностями. Таковы, например “Колумбово яйцо” – *Columbi egg*, и “Ньютоново яблоко” – *Newtons eple*, а также известный римский лозунг “Хлеба и зрелищ” – *Brød og sirkus*. Некоторое количество кулинарных фразеологизмов переходит в язык из литературных произведений “аппетит приходит во время еды” (Рабле) – *appetitten kommer mens man spiser*; “нектар и амброзия” (Гомер) – *nectar og ambrosia*; курица, несущая золотые яйца (Эзоп) – *høna som legger gullegg*. Данные фразеологизмы заимствованы из мировой литературы и представляют общекультурные ценности, совпадая в обоих языках, однако в каждом из

⁷ Склярёвская. *Op.cit.* с.120.

них есть фразеологизмы из собственной литературы, например, в русском - “а Васька слушает, да ест” (Крылов), в норвежском – *gjort er gjort, og spist er spist* (Egner).

Библейские и литературные фразеологизмы часто включают в словари “крылатых слов”, существует также опыт русско-норвежского словаря крылатых слов. По-прежнему ведутся дискуссии о включении в подобные словари пословиц и поговорок, которые также могут содержать кулинарные выражения. Поскольку пословицы и поговорки тесно связаны с национальным житейским опытом и обычаями, различны и языковые способы выражения этого опыта. Так, в норвежской и русской сказке равно отражается сметка голодного человека, но конкретное выражение ее различается – в русской сказке варится “суп из топора”, а в норвежской – из гвоздя, однако общее содержание позволяет рассматривать эти выражения со вторичной номинацией как эквивалентные. Если в русском обиходе о безрезультатном визите говорится “не солоно хлебавши”, то в норвежском усиливается значение отсутствия результата – “ни еды, ни питья” *uten å smake vått eller tørt*. Общее содержание и образная основа фразеологизма преодолевает расхождение в языковой форме и выражения воспринимаются как эквивалентные. Если в русском восприятии ходовой товар распродается быстро, как “горячие пирожки”, то в норвежском за отсутствием в кулинарной культуре пирожков он расходуется как горячий хлеб – *som varmt hvetebrød*. Специфика быта разных народов отражается и в оформлении угрозы на разных языках: русский фразеологизм “сделать из кого-то котлету” вполне соответствует по содержанию норвежскому *slå noen til plukkfisk*, сохраняя пугающий образ человеческого тела, превращенного в фарш, только рыбный.

Кулинарные фразеологизмы, как и многие фразеологизмы, демонстрируют свойственные всей лексике свойства. Мы можем говорить об употреблении их как в прямом, так и в переносном смысле (снимать сливки – *skumme fløte*), о наличии синонимии среди подобных выражений *smør på flekk – som plommen i egget* “как сыр в масле”, *ikke tjene til smør på brødet – ikke tjene til salt i maten* “не зарабатывать на хлеб с маслом”. Способность к изменчивости в зависимости от контекста является еще одной общелексической

характеристикой кулинарных фразеологизмов. В русском языке богатый материал такого использования фразеологизмов особенно характерен для языка прессы: “снимать финансовые сливки”, “заварить кавказскую кашу”. В норвежском также приводятся примеры подобного изменения фразеологизмов: Det han sier, tar jeg alltid med et tonn salt (тонна вместо привычной щепотки соли – klype); jeg var en liten gryte med meget store ører (очень большие уши вместо просто “ушки” – у маленьких котлов тоже есть ушки).

Что дает нам изучение кулинарных фразеологизмов? Исследователи отмечают, что “кулинарные фразеологизмы являются частью общего лексического фонда языка, что проявляется в общности структуры и лексической наполняемости проанализированных единиц, в их исторической изменчивости, в их контекстуальной подвижности”.⁸ Это, конечно, бесспорно. Вместе с тем необходимо отметить, что они обладают большой культурологической и страноведческой значимостью. Знание их связано с изучением языковой картины мира, обычаев и традиций разных стран. Если фразеологизмы библейского происхождения апеллируют к общему культурному наследию, то специфика остальных фразеологизмов приближает нас к лучшему пониманию культуры другого народа. Особенно наглядно это можно использовать в преподавании иностранного языка и культуры, развивая его страноведческий аспект. Ранее уже упоминались некоторые фразеологизмы, заключающие в себе этническую специфику, подобный материал можно разрабатывать на языковых занятиях. Если в норвежском тексте встречается упоминание реалии Kardemommelov, это можно использовать для разговора о норвежской детской литературе. Встреча с фразеологизмами типа “в Тулу со своим самоваром” и En tar ikke med seg fisk når en reiser på Lofoten дает повод поговорить и о географии, и о промышленном развитии страны данного языка. В этом же плане норвежские фразеологизмы с компонентом “перец” напоминают об экзотическом характере данного

⁸ Панкратова С.М. Кулинарная фразеология немецкого языка. *Материалы XXXVII международной филологической конференции*. Вып. 2. Лексикология и фразеология. С.-Петербург. Факультет филологии и искусств. 2008.

продукта, привозимого из далеких краев *der pepper'n grog*, *pepper-svenn*, *peppermø*. В русском языке об экзотическом характере продукта напоминает фразеологизм “а марципану (не) хочешь?” выражающий крайнее возмущение излишеством запросов собеседника.

Рассмотренный материал позволяет, как нам кажется, сделать вывод о том, что кулинарная фразеология представляет собой интересный пласт языка, демонстрирующий не только семантические и грамматические характеристики общелексического характера, но также и черты этнического и культурного своеобразия. Изучение такой кулинарной фразеологии расширяет наше представление о культуре другой страны, позволяет глубже проникнуть в структуру и семантику изучаемого языка.

Источники примеров

- Фразеологический словарь русского языка*. Под ред. А.И. Молоткова
Изд. 3 М., Русский язык, 1978
- А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. С.-Петербург, Фолио-пресс, 1998
- В.П. Берков. *Русско-норвежский словарь*. Под ред. Сири Свердруп Лунден и Терье Матиассена. М., Русский язык, 1987
- Aschehoug og Gyldendals store norske ordbok*. Red. Tor Guttu. Oslo. Kunnskapsforlaget, 1992
- Stor norsk-russisk ordbok*. Hovedredaktør: Valerij Berkov. Oslo. Kunnskapsforlaget, 2003
- Snorre Evensberget og Dag Gundersen. *Bevingede ord*. Oslo. Den norske bokklubben, 1992

Summary: Russian and Norwegian culinary expressions

This article presents a description of culinary terms in Russian and Norwegian, and deals with the contrastive study of metaphorical expressions containing such terms, making a special point of their origin, thematic variety and linguistic properties. The author argues that the universal character of metaphorical changes makes itself evident in a large number of expressions containing either verbs connected with cooking or naming products and dishes used as characteristics of a human being or human actions, great number of them being used pejoratively.

The author argues that the study of the structure and semantics of these phraseological units can also be of great help in getting a better command of the culture and history of the country and its language.

E-mail: olga.komarova@hum.uit.no